

■ | НОВАЯ СЕРИЯ

ОПЫТЫ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ

Издания этой серии в каждом своем выпуске содержат две части. Первая часть представляет, собственно, опыт психоаналитического прочтения и интерпретации того или иного произведения литературы, науки и искусства. Публикуемые работы часто не претендуют на исчерпывающее понимание анализируемого произведения, иногда используют в своем исследовании основную тему, линию, историю автора или всего лишь эпизод, через который высвечивается интересующий исследователя предмет. Однако эвристические возможности психоанализа позволяют вскрывать далеко не очевидные, не лежащие на поверхности смыслы произведения или замыслы автора, динамику сил и душевных порывов, воплотившихся в произведении, позволяют услышать невысказанное. Так или иначе, публикуемое психоаналитическое исследование является одной из возможных многочисленных попыток понимания, инструментом которого выступает психоаналитический метод и собственные душевные ресурсы исследователя. Вторая часть издания включает в себя литературное, художественное, научное произведение, ставшее поводом для психоаналитического исследования, источником для возможных психологических наблюдений, раздумий и открытий.

Такое двойное издание — психоаналитического исследования и исследуемого произведения — дает возможность установить мосты между различными, как бы это странно ни звучало, сферами психологического знания — наукой и искусством, психоанализом и психологией, между индивидуальной и культурной историей. Психоаналитическая работа предоставляет в наше распоряжение опыт, способ и тактику чтения и понимания. А обращение к исследуемому произведению погружает в авторский дискурс, являя эмпирику психологического мышления.

ISBN 978-5-98904-208-1
31 с., e-book

■ | EX ERGO LIBRIS

Ф.Н. Достоевский «Психологические замечания по поводу сновидения Адриана Прохорова из повести А.С. Пушкина "Гробовщик"»: цитата...

«В древности и в средние века человек смотрел на сновидение как на предсказание будущего и на предупреждение. Современные естествоиспытатели отказались видеть в сновидении какую-либо целесообразность. Фрейд высказал новое положение: *сновидение есть исполнение желания сновидца*. Человеческий организм нуждается в периодическом отдыхе с наибольшим отвлечением от реального мира — в спяние; это достигается погружением в состояние, напоминающее внутриутробное, при помощи искусственного устранения или возможного ограничения доступа внешних раздражителей и при наступлении некоторых периодически возникающих внутрителесных процессов (расслабление мышц, замедление сердечной деятельности и пр.). Для возникновения сна недостаточно одних телесных процессов, а необходимо также наступление особого примитивного блаженного состояния — "нирваны", при котором душевная жизнь теряет свою неприятную напряженность. Ограничить внешние раздражения, закрыв глаза и закутавшись в одеяло, нетрудно, но иногда очень нелегко бывает побороть мучительное душевное состояние, как, например, обиду, заботу и т. п. Лучшим способом побороть эти мучительные состояния является их удовлетворение. Этим достигается устранение душевного напряжения. Сон есть отход от реальной жизни, и душевная неудовлетворенность утоляется во сне галлюцинозными. В отношении сущности сновидений Фрейд высказывает тот взгляд, что "сновидения представляют собою устранение нарушающих сон психических раздражений путем галлюцинозного удовлетворения".

А.С. Пушкин за 70 лет до Фрейда описал в "Гробовщике" подобный психический механизм. Как видно из вышеприведенных цитат, озабоченный и рассерженный Адриан Прохоров получил во сне удовлетворение в обоих отношениях. Благодетельный сон мог наступить путем компромисса между влечением ко сну и внутридушевым состоянием — озабоченностью и злостью; этот компромисс состоял в том, что вместо глубокого сна без сновидения гробовщику приснилось исполнение его желаний.

Фрейд сравнивает сновидение с ночным сторожем, бьющим в колотушку. Ночная тишина, конечно, отчасти нарушается треском этой колотушки, но и воры отгоняются этим звуком. Сновидением, исполняющим желание сновидца, нарушается полная "нирвана" спящего, но вместе с тем отгоняются неприятные эмоции, посягающие на сон.

Сновидение гробовщика, однако, сложнее, чем данная схема; званые гости в конце сна стали вести себя неподобающим образом: один покойник заключил сновидца в объятия, чем испугал его, а остальные начали ему угрожать.

Гробовщику приснился *страшный сон*, и это как будто не укладывается в вышеприведенную схему. Как известно, сновидение может быть настолько страшным, что спящий просыпается; в этом случае сновидение не выполняет своей роли стража телесного сна. Однако Фрейд доказывает, что и тут схема остается прежней: сновидение является компромиссом между влечением ко сну и внутриспсихическим состоянием. Желание, галлюцинозным удовлетворением которого служит сновидение, бывает иногда такого рода, что его удовлетворение должно вызывать страх. Надо оговориться, что таковыми являются желания "вытесненные", то есть в бодрственном состоянии совершенно не сознаваемые, представляющиеся большею частью забытыми желаниями детских лет. Во сне, когда сознание ослабевает (чем усиливается бессознательное), такие желания могут активироваться и требовать своего удовлетворения. Сновидение должно их выполнять, дабы не был нарушен сон; это происходит в форме иносказательной, то есть символической. В этом случае спящий не просыпается, но сновидение становится непонятным или запутанным. Таким образом, происходит "работа сновидения", обусловленная "цензурой", то есть сопротивлением "я" спящего пропустить в сознание недопустимые влечения. В некоторых случаях (при очень сильном напоре влечения или при очень слабом сопротивлении) происходит "прорыв" оборонительных сил, и сновидение приносит незамаскированное исполнение желания. В этих случаях "я" приходит в страх и смятение, и спящий просыпается. Ночной сторож будит хозяина, ибо воры проникли в охраняемое помещение. В сновидении гробовщика дело не зашло так далеко, Прохоров не проснулся, а лишился чувства: сон кончился, и далее он спал без сновидений».

Г.А. Харазов

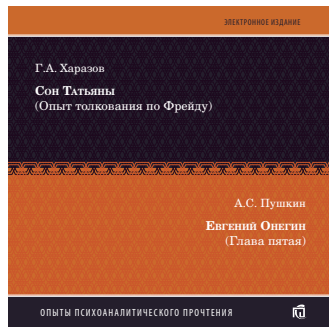
СОН ТАТЬЯНЫ

(Опыт толкования по Фрейдю)

А.С. Пушкин

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

(Глава пятая)

ISBN 978-5-98904-230-2
83 с., e-book

ЗАКАЗ КНИГ

Заказ на приобретение книг «ERGO»
направляйте на email:
market@ergo-izhevsk.ru

Г.А. ХАРАЗОВ

Что до платка, то его потеря стоила жизни Дездемоне. В «Мистериях» Кнута Гамсуна^[30] Дагна роняет платок, а Нагель, вместо того чтобы его поднять, топчет его в грязь. — «В лицо перчатку ей он бросил^[31] и сказал: “не требую награды”». — Стих Лермонтова: «И остался в руках у разбойника мой бухарский платок, твой подарок, и фата моя шелковая^[32]» — раскрывает родословную платка: прежде было правом жениха приподнять фату, теперь играют в платок, танцуют с ним (Груня в Мокром^[33]), полуприкрывают лицо муфтой, приподнимают одежды край, чтобы показать ножку.

Если бы мы всегда, произнося слово, помнили его историю, брали его в секуляризованном значении, со всеми вековыми наслоениями смысла, мы бы сразу чувствовали поэта и не жаловались на бедность языка¹.

7. «Упала в снег... Она бесчувственно покорна, он мчит ее лесной дорогой». — Здесь вспоминаются всевозможные: возьми меня, увези меня, умчимся в края; мечты Груни и Мити в Мокром, стихи Пушкина: «восторгу моему^[34] едва ответствуешь, не внемлешь ничему». — Не говоря уже о баюкающем ритме быстрого передвижения, — сесть и поехать значит вырваться из обстановки условностей; путешествия и приключения — синонимы. Только на кавказских минеральных водах армейский офицер Печорин мог так легко познакомиться с княжной Мери^[35].

8. «Вдруг меж деревьев шалаш убогой» — конечно, тот самый, где родители оставляют дочь, от которой они отказались, то есть которую они выдали замуж. Приходит медведь (*speluncam eandem*) играть в жмурки, и если

¹ Отдать платок — почти что отдаться. Вот почему так убедительна сцена с платком в «Отелло»^[36]. Мы все это инстинктивно знаем «...Я сухо отказал... Ушла, не застегнув осеннего пальто, и после я узнал — ты радовалась где-то, что мне оставила... хоть шелковый платок... («Синим вечером», сборник стихов, издание Ученического Клуба, Тифлис, 1918)

СОН ТАТЬЯНЫ

девида была покорна, то он дарит ей сундуки с золотом, серебром и новыми платьями. Но в таких шалашах творятся и недобрые вещи: бывает, что «старший брат свой нож берет, присвистывая — точит; злодей девицу губит, ей праву руку рубит»^[37]. — Замечательно, что купеческая дочь Наташа рассказывает эту «пустую небылицу» жениху за свадебным пиром. Так народ в сказках передает неведение невесты, почти еще ребенка.

9. «Медведь промолвил: здесь мой кум». — Итак, медведь и Онегин кумовья, что на языке поэзии значит: они одно и то же. Доказательства: сын славы, отец греха. «Сливаясь, шумят, обнявшись, будто две сестры»^[38]...

10. «За дверью шум и звон стакана, как на больших похоронах». — А у Лермонтова: «на свадьбу ночную, на тризну больших похорон»^[39]. У Беранже: «ведь, ложе брачное есть место преступления, и свадебный билет — билет есть похорон»^[40]. — У Толстого: «невеста, будто овечка убранный»^[41].

11. «И что же видит? За столом сидят чудовища кругом... Он здесь хозяин, это ясно, и Тане уж не так ужасно». Это можно понять просто так: он — жених. Но можно и углубить значение символа. Август Форель^[42] приблизительно так начинает свою книгу о «Гипнолизме»: «В большом зале митинг, шум, страсти разгорелись, все кричат; одному удалось влезть на стул, перекричать и подчинить себе других. Так гипнолизер вылавливает из всех противоречивых душевных стремлений одно и поддерживает его над всеми остальными»^[43]. — Итак, перед нами образ души Татьяны, в которой всколыхнулись гудища, первобытные инстинкты, но все они подчиняются образу любимого и потому оправданы: Тане уж не так ужасно.

12. «Немного растворила дверь... Татьяна силится бежать — нельзя никак. Все указывает на нее и все кричат: мое, мое!» — За свадебным столом царит особая атмосфера, быть может, как родовое воспоминание о тех давних временах, когда товарищи жениха, помогавшие ему